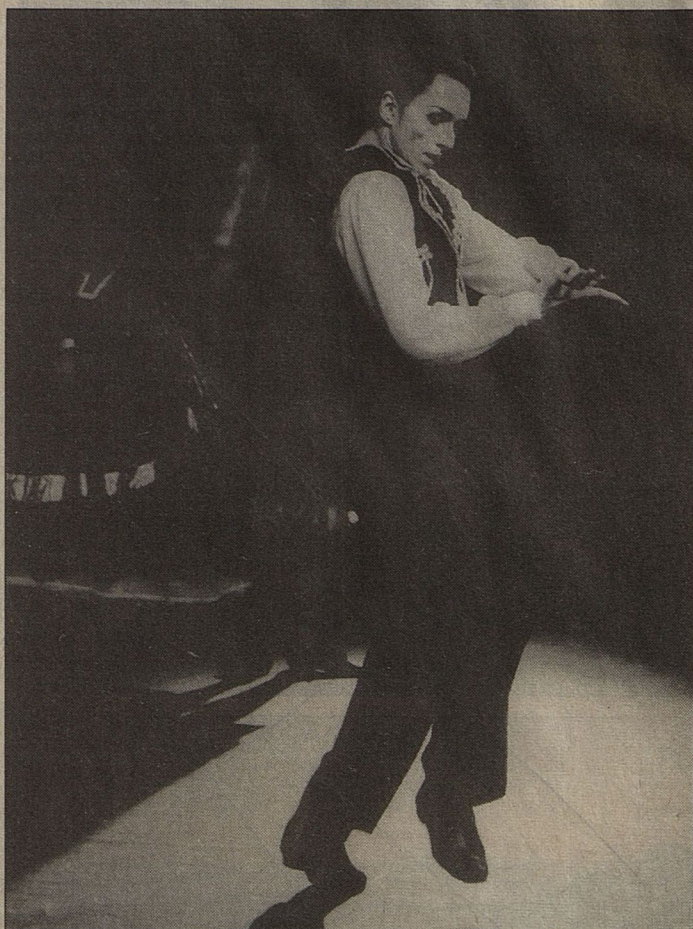

Апофеоз московской темы

Балеты Леонида Мясина в Большом театре

Д.Гуданов — Мельник

Эта прощальная премьера на старой сцене Большого театра стала, на мой взгляд, самой интересной новой постановкой театра за последние годы. Может, дело в том, что получилась очень московская премьера, где слились сугубо московские темы и блеснули яркие московские артисты.

Наконец-то Первопрестольная не смотрит на Петербург, никого не копирует, не пасует перед Западом. В Большой приехал Лорка Мясин переносить балеты своего отца, разговор в репзалах шел на русском, так как семья Мясиных не растеряла традиций. Иногда казалось, что эти балеты не впервые ставятся в театре, а просто восстанавливаются из архивов, настолько сильно притяжение Мясина и Большого. И еще Игорь Чапурин, московский fashion-художник, приглашенный оформить "Предзнаменования". Влюбленный в балет Большого, поклонник и знаток работ Симона

Вирсаладзе, Чапурин, однако, церемониться с традициями не стал, предпочел движение в сторону художественного авангарда. Королева концептуального искусства — черно-белая фотография, тщательно отрисованная на холсте в мастерских театра, — впервые организовала пространство балетной постановки (на зрителей и артистов смотрели три огромных лица, оттененные наложенным сверху узорчатым задником).

По сути, концептуальный чапуринский райский сад XXI века и создал гармоничный хронотоп трех балетов, объединяя 1920 — 30-е годы, когда Мясин был безумно знаменит в Европе, и сегодняшний день, когда в России познакомились с его творчеством.

Мясин был из тех хореографов-танцовщиков, что ставят балеты на себя. Нестандартный рост, неклассические линии, отсутствие лиризма,

взамен этого — феноменальная техника и бешеный темперамент, которые перешли по наследству от хореографа к персонажам его балетов. Но благодаря установке его сына Лорки не на упертый аутентизм, а на сегодняшние нормы более изысканных тел и более совершенной техники, спектакли выжили и существуют не как музейные экспонаты, а как живой театр. Я имею в виду "Треуголку" Де Фальи — Мясина — Пикассо. Вот ее играют в Большом, и аутентизм, конечно, присутствует — декорации и костюмы выполнены строго по эскизам испанского гения, и эстетика могут ликовать. А для персонажей и у нас, и в Парижской Опере найдена новая форма, без натяжек на первых исполнителей Мельника и Мельничихи

— Мясина и Карсавиной. Сегодня в Большом царит Мария Александрова, справляется с любыми ролями, востребована всеми до одного хореографами и любима москвичами — выйди она Аспичихой, Джульеттой, Китри, Гермией, Сильфидой. Ее Мельничиха будет сильнее любого Мельника, даже образцового испанца Жозе Мартинеза из Парижской Оперы, которого позвали украсить премьеру. Мартинез станцевал очень четко, блеснул одеянием от Пикассо, испанскими манерами и высоким артистизмом. Но все-таки московская "Треуголка" шита на наших артистов. Вторую премьеру станцевал Дмитрий Гуданов, они с Александровой показали больше тонкостей испанской интриги, купались в москов-

ском драматизме и дали очень свежий взгляд классиков на характерную тему. Еще Гуданов принес на сцену другие бродячие испанские сюжеты, кстати, предложенные уже на занавесе Пикассо и намеренно не включенные Мясиным в балет (там изображены испанки на фоне корриды, некий кабалеро и мальчик с гранатами). Интересно, что Гуданов показал то, чего он сам от себя не ожидал. То он уподоблялся надменным героям с полотен Гойи, то гонялся за юнками, как оперный Дон Жуан, а Александрова охотно ему подыгрывала, словно премьеры заранее сговорились поддерживать друг друга во всем. Кульминацией стала фаррука, станцованная артистом с диким цыганским пылом. Александр Петухов и Андрей Меланьин бесподобно изображают старого болвана Коррежидора. Первый более физиологичен, очень объемно и оттого безумно комично двигается, второй имитирует пергаментного старика, который еле ходит и рассыпается на глазах. Единственное, что нарушало фольклорную гармонию, — скучная и неслаженная игра оркестра.

Это замечание относится и к Пятой симфонии Чайковского, на музыку которой идут "Предзнаменования". Нет деления голосов в оркестре, едва читаются лейтмотивы, а темпы произвольны. Только хорошая отретированность балетов спасает артистов от недоразумений, связанных с музыкой, а зрителям помогают игра света на задниках и любопытные построения кордебалета.

Между тем симфоническая хореография "Предзнаменований" очень подошла общей стилистике Большого — не графичный Баланчин с ледяным петербургским дыханием, но объемная, очень чувственная пластика, навеянная творениями древнегреческих скульпторов. Мясин думал о чувствах, о страстях, о первоначалах, и мысль привела его к истокам европейской цивилизации — высокой культуре эллинов. Он разобрал классические балетные позы на составляющие и из них заново сконструировал свой балетный театр, придавая позам оттенки чувств. Здесь неподражаема Екатерина Шипулина — Действие, рвущаяся в бой из тисков античных конструкций. Мария Аллаш (Страсть) с роскошной прической под 30-е годы, значительная, пафосно несущая свою одновременно сокрушительную и созидательную силу. В этой же роли Светлана Луныкина утверждает другой путь стихии — через жертвенность, беззащитность и хруп-

кость. Облегающие костюмы Чапурина, безжалостно стирающие индивидуальность и обнажающие самую суть персонажей, добавили московской премьере потустороннего шика, которого были лишены и оригинальная постановка в оформлении сюрреалиста Масона, и последующие переносы в другие театры. В таком оформлении и в таких блистательных составах балет обязан стать выездным как московский эксклюзив.

"Парижское веселье" далось труднее всего, так как простоватые на слух — "канкан" или "фарандола" на самом деле требуют внимательного изучения и проработки деталей. Все помнят, как для канкана отбирали длинноногих девиц в фильме Ренуара "Френч-канкан" и по сколько часов они потом работали, чтобы соответствовать марке. Ближе всех к стилистике подошли Анастасия Яценко в роли Цветочницы и Наталья Осипова в роли солистки канкана. Самым грандиозным все же стал Перуанец Денис Медведев, отодвинутый на второй спектакль. Слово витала в воздухе чья-то зависть к его дару перевоплощения, абсолютно мясинскому, и в трагической ноте даже чаплинскому. Мориhiro Ивата сыграл самого себя, диковатого иноземца в московской труппе, а обаятельный, лучезарный Медведев олицетворял весь театр Леонида Мясина, который прожил жизнь как бродячий артист, чьи вещи могут уместиться в двух тряпочных чемоданах. Медведеву удалось совместить дух клоунского паясничанья (ловко выкручивался из ситуаций с бестолковыми официантами, на лету придумывал трюки, изобретал приемы, в общем, не отпущал внимания зрителей) и трагического одиночества этого иностранца в Париже. Особенно сильной получилась сцена, когда Перуанец "хватается" за последнюю надежду, связанную с успехом у женщин. Он подхватывает Наталью Осипову, которая приземляется в шикарном шпегате около его ног, улыбается ему, но в конце концов и здесь он терпит крах, оставаясь в одиночестве, обманутый в своих надеждах.

Еще стоит отметить, что формат мясинских одноактовок хорошо лег на сцену Большого, и очень трудно представить его в малом формате на Новой сцене. Но в любом случае, возможность такого переноса продлит жизнь отличным спектаклям из мирового балетного фонда.

Екатерина БЕЛЯЕВА

Фото автора

С.Луныкина и А.Волчков в сцене из "Предзнаменований"

Кувбатура. — 2005. — 27-27 апр. — 72.9